

18+

Понравится тем, кто читал «Разум убийцы.
Как работает мозг тех, кто совершает преступления»

БЕН КЕЙВ

ведущий судебный психиатр Великобритании

ОПАСЕН

СУДЕБНЫЙ ПСИХИАТР О ЗАБОЛЕВАНИЯХ,

ДЛЯ

КОТОРЫЕ ПРОВОЦИРУЮТ

ОБЩЕСТВА

ПРЕСТУПНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

НА ПЕРЕДОВОЙ

Бен Кейв
Опасен для общества.
Судебный психиатр
о заболеваниях,
которые провоцируют
преступное поведение
Серия «На передовой. О
запутанных преступлениях и
тех, кому под силу их раскрыть»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69596131

*Опасен для общества. Судебный психиатр о заболеваниях, которые
провоцируют преступное поведение: Эксмо; М.; 2023*

ISBN 978-5-04-191946-7

Аннотация

– Когда вы отрезали себе пенис? – спросил я.

Необычный разговор за игрой в шашки, правда? Даже для студента-медика. Мы разговаривали около часа и, казалось, достаточно хорошо ладили, возможно, потому, что Грэм

выигрывал партию. Он был пациентом отделения общей психиатрии больницы Святого Иуды. Я часто оставался, чтобы посмотреть, что представляет собой отделение после того, как врачи уходят домой».

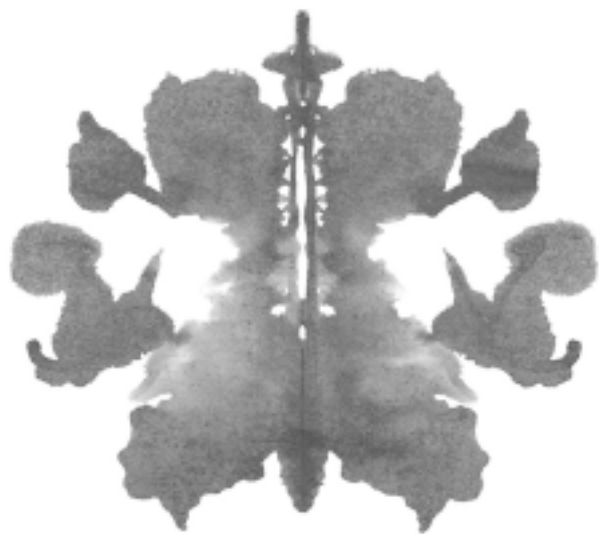
Автор этой книги – БЕН КЕЙВ, ведущий судебный психиатр Великобритании. Вот уже более 30 лет он работает в тюрьмах и психиатрических больницах закрытого типа, оказывая помощь мужчинам и женщинам с такими проблемами, как бред, шизофрения, наркозависимость, расстройство личности и тяжелая депрессия.

Эта книга о работе в тюрьмах и охраняемых больницах, диагностике и лечении людей с психическими расстройствами, такими как бред, шизофрения, наркозависимость, расстройство личности и тяжелая депрессия. Доктор Кейв приводит множество историй своих пациентов, чтобы проиллюстрировать, что на самом деле происходит за закрытыми воротами учреждений, куда попадают опасные для общества личности: насильники, педофилы, наркоманы, детоубийцы и те, кто хотел покончить жизнь самоубийством.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Решение стать врачом, часть первая	8
Надпись на стене	10
Дом с видом на Лейквью, двадцать пять лет спустя	20
Необходимость рефлексии	30
Нахожу свое призвание: славные и ужасные силы	37
Утешительные конфеты	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Бен Кейв
Опасен для общества.
Судебный психиатр
о заболеваниях,
которые провоцируют
преступное поведение

Посвящается моим пациентам и блестящим медсестрам и медбратьям, а также ассистентам и всем коллегам-профессионалам, которых мне посчастливилось знать и у которых я так многому научился.

What We Fear Most:

Reflections on a Life in Forensic Psychiatry by Dr Ben Cave

Copyright © Humphrey Needham-Bennett 2022

© Шустова А.П., перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва 2023

Решение стать врачом, часть первая

Я шел вместе с отцом по прибрежной тропинке небольшого городка Мелфре, что на острове Англси¹. Мы подошли к причалу, и отец спросил меня, чем я хочу заниматься, когда вырасту.

– Бизнесом?

– Нет, – ответил я.

– Юриспруденцией?

– Не думаю.

– Бухучетом?

Я чуть не рассмеялся.

– Ни за что.

– Хочешь стать военным?

– Не думаю.

– Займешься медициной?

– Да.

Ответ просто вырвался – быстро и бесповоротно. В тот момент я точно знал, что хочу делать со своей жизнью.

– Ортопедической хирургией? – с надеждой спросил отец. Ему нравилось угадывать.

Я фыркнул.

¹ Англси – остров в Уэльсе.

– Я стану психиатром.

Отец немного помолчал, казалось, что он обиделся.

– Ну, у нас полно времени, чтобы еще подумать об этом...

Но я уже достаточно подумал, хоть мне и было всего четырнадцать.

И принял решение.

Даже несмотря на то, что я понятия не имел, что такое психиатрия.

Надпись на стене

Маленькая комната для допросов располагалась рядом с тюремным медицинским центром. Там стоял стол, два стула, и больше ничего. Фрэнк, человек, обвиняемый в убийстве, рассказал мне, как он пришел в дом своей матери.

– Она поняла, что я разозлился. Я все время расхаживал взад-вперед.

– Что вы ей сказали?

– Я спросил, почему она работала на МИ5².

– А она правда на них работала?

– Это было единственное объяснение, которое я смог придумать. Она пыталась убить меня.

– Почему вы так думаете?

– Она, конечно, отрицала это. Но я знал, что она лжет. А потом она спросила меня, перестал ли я принимать лекарства.

– А вы перестали?

– Да. Они меня затормаживали. Мне нужно было очистить свой разум, чтобы остановить приходящие мысли.

– Что вы имеете в виду?

– Я слышал о ее планах. В этом была замешана не только она, но и куча других людей. Это был большой заговор.

² *МИ5, Служба безопасности* – государственное ведомство британской контрразведки.

Фрэнку поставили диагноз «шизофрения», когда ему было чуть за двадцать. За все это время его несколько раз клали в отделение неотложной психиатрии, но он никогда не проявлял жестокости ни к матери, ни к кому-либо еще.

– Что изменилось на этот раз? Это не первый раз, когда вам приходят в голову такие мысли?..

Он колебался.

– Я начал употреблять кокаин.

– Когда?

– Примерно за месяц до того, как я ее ударил. Я ударил ее, вот и все. Я не хотел ее убивать.

Он пришел отпраздновать ее шестидесятилетие.

– Сколько раз вы ее ударили?

Вскрытие показало множественные переломы черепа. Женщину доставили в больницу, но она умерла на следующий день от кровоизлияния в мозг.

Фрэнк посмотрел вниз на стол, и его пальцы прошлись по буквам, выцарапанным на нем. Он немного походил на меня: у нас были одинаковые каштановые волосы и цвет глаз, но он был высоким и чуть худее.

Я взглянул на папку на столе. Мы родились с разницей в два месяца.

– Что вы сказали? – Он посмотрел на меня снизу вверх. – Извините, не могу собраться с мыслями.

– Сколько раз вы ее ударили?

Он пожал плечами.

– Точно не знаю. Три, может быть, четыре раза.

– Зачем?

– Она знала, о чем я думал. У нее было... Я не знаю, что это такое. Это то, что МИ5 использует для отслеживания моих мыслей.

Я заметил, что его руки немного дрожат, и задумался, чем это вызвано – это просто беспокойство или ломка? Он пробыл в тюрьме меньше недели. Должно быть, он понял, что я заметил дрожь, поэтому сложил руки вместе.

– Все так запутанно. Я думал, это она допрашивает меня. Она как будто проникла в мою голову. Я все еще слышу ее. Я знаю, что она мертва, но я до сих пор слышу ее голос.

– Что она говорит?

– Это не имеет смысла. Она говорит, что добьется, чтобы меня отправили в тюрьму. – Он поднял руки вверх, как бы напоминая нам, где мы находимся, а затем уронил голову на руки. – Я не жестокий человек.

Он был прав и одновременно глубоко ошибался. Однажды он проявил жестокость, и это разрушило как минимум две жизни. Фрэнк уткнулся лицом в стол и забарабанил кулаками по затылку. Он взвыл от боли.

Тюремный служащий заглянул в окно, чтобы посмотреть, что происходит. Я кивнул в ответ, что все в порядке.

Я сидел тихо и наблюдал за Фрэнком. Ему потребовалось несколько минут, чтобы успокоиться.

– Когда вы начали употреблять кокаин?

– Я встретил этого человека в пабе. Я ходил туда каждый вечер. Он сказал, что кокаин может заглушить голоса в голове. Можете ли вы дать мне что-нибудь от кошмаров, док? Я просыпаюсь каждую ночь в ужасе и не могу дышать. Я просто сворачиваюсь калачиком и плачу, пока снова не засыпаю.

Я видел газетный заголовок: «Женщина убита в результате яростного нападения».

Сосед Фрэнка сказал, что он всегда был странным. Я подумал: какой бы заголовок написал сам? «Грустный шизофреник занимается самолечением, совершает серьезное преступление, и у него развивается посттравматический синдром» – вот так я бы написал.

Это, конечно, не самый лучший и не самый броский заголовок, но и я не газетчик. Возможно, оба заголовка отражали правду. Я сказал Фрэнку, что мы продолжим завтра.

– Голоса исчезнут, доктор? – спросил он, вставая.

– Я подберу вам лекарства. Выпишу успокоительное на ночь.

Он кивнул в знак благодарности и вышел в коридор. Я наблюдал, как его завели обратно в камеру на шесть коек, и понял вдруг, что разговаривал с ним почти целых два часа. Я потерял всякое чувство времени.

Итак, я записываю некоторые из первых своих наблюдений о психическом состоянии Фрэнка, и тут в открытой двери появляется один из тюремных служащих.

– Тук-тук, – постучал он.

У офицера Шопена были пышные усы и крошечные яркие черные глазки. В остальном я понятия не имею, как он выглядел – эти две черты, казалось, занимали все его лицо и полностью определяли весь его внешний вид.

– Вам нужно это увидеть. – Он попросил меня следовать за ним и казался довольно настойчивым. Мы разговаривали пока шли.

– Я собираюсь добиться перевода Фрэнка в сорок восьмую камеру. Ему нужно пройти обследование в условиях отделения средней безопасности. Я направлял его в такое отделение – Лейквью, психиатрическая служба безопасности больницы Святого Иуды.

Шопен кивнул.

– Звучит неплохо. Он опять разговаривал всю ночь с голосами в голове.

Когда мы проходим мимо одной из камер, что справа по коридору, Билли, плохо обучаемый человек с ограниченными возможностями, прижимается носом к решетке:

– Мама придет навестить меня?

– Не думаю, – отвечаю я, не сбавляя шага. В то утро я повторил это уже раз десять. Мать Билли все еще находится в больнице после того, как неделей ранее Билли проломил ей череп. Он думал, что ее тело захватила какая-то злая сущность.

– Я должен был вытащить это нечто из нее, – крикнул он мне вслед.

Я остановился и повернулся к нему.

– Вам нужно принять лекарство, Билли.

Я понял, что оба мужчины напали на своих матерей.

Шопен остановился в конце коридора и отпер дверь. Он стоял там и ждал меня, как агент по недвижимости, проводящий осмотр дома.

Да, он небольшой. Но немного воображения и ведро краски... к тому же город совсем близко.

Я прошел мимо него в камеру.

– Тут все нужно хорошенько отмыть, – сказал я, пытаюсь не дышать. С потолка свисала лампочка малой мощности, спрятанная за каким-то грязным оргстеклом, и моим глазам потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к полумраку.

Камера была около трех метров в длину и двух в ширину. У стены стояла кровать, привинченная к полу. Я знал, что так выглядят клетки. Я также знал человека, который жил здесь. Его осудили за изнасилование, а отчет полицейской разведки связывал его еще и с импортом наркотиков и убийствами. Он не был приятным человеком. Я беседовал с ним около шести часов, и мне стало совершенно ясно, что психопатия – это только часть проблемы: на самом деле он глубоко больной человек и страдает ярко выраженным психозом.

Он думал, что выполняет божественную миссию, а масонское общество испытывает его веру. Ни один из этих фактов сам по себе обычно не приводит к постановке диагноза

«ПСИХОЗ».

В ЕГО СЛУЧАЕ РЕШАЮЩИМ МОМЕНТОМ СТАЛ ЭПИЗОД, КОГДА ОН ВЗГРОМОЗДИЛСЯ НА СВОЙ ИСПАЧКАННЫЙ ФЕКАЛИЯМИ МАТРАС, РАСКИНУЛ РУКИ И ПЫТАЛСЯ ВЗЛЕТЕТЬ, ДЕКЛАМИРУЯ ПРИ ЭТОМ БИБЛЕЙСКИЕ СТИХИ, КОТОРЫЕ ОН КОГДА-ТО ВЫУЧИЛ, БУДУЧИ ЕЩЕ БОГОБОЯЗНЕННЫМ ПОДРОСТКОМ.

Мне потребовался месяц, чтобы отправить его в учреждение строгого режима, и его перевели туда буквально час назад.

– В чем дело, Шопен? – спросил я, немного раздраженный тем, что мой обход блока затягивается.

Он указал на стены, как будто ответ очевиден.

– Все вокруг вас, док.

Стены были обшарпаны, и на них не хватало кусков штукатурки. Там виднелось несколько надписей и аккуратный узор примерно на высоте груди.

– Он не спал всю ночь, царапая это.

Я прошел в конец камеры, где сквозь зарешеченное окно проникало немного света.

«Доктор Бен Кейв».

Сначала я действительно не заметил надпись – она была такой маленькой, хорошо если размером с газетный шрифт. Она была аккуратной, ровной и правильной. И, когда мои

глаза застыли всего в 15 сантиметрах от нее, я смог хорошо разглядеть буквы.

«Доктор Бен Кейв доктор Бен Кейв доктор Бен Кейв».

Я насчитал восемь полных рядов.

«Доктор Бен Кейв доктор Бен Кейв доктор Бен Кейв»...

– Это мое имя, – вырвалось у меня. Шопен медленно кивнул. Я окинул взглядом стены.

Доктор Бен Кейв доктор Бен Кейв доктор Бен Кейв... Мое имя было написано повсюду. Я подошел к Шопену и отодвинул его в сторону. Я прошел мимо двери, повернул и добрался до кровати.

Доктор Бен Кейв доктор Бен Кейв доктор Бен Кейв доктор Бен Кейв доктор Бен Кейв доктор Бен Кейв...

– Черт, – выругался я, когда сделал полный круг.

Я сел. Шопен поморщился, и я сразу понял свою ошибку.

– Черт, – снова сказал я, но продолжал сидеть на грязной простыне. Встать казалось бессмысленным.

Он написал мое имя, не разу не сбившись, сделав восемь полных кругов по камере.

– Вы в порядке, док? – Шопен был хорошим человеком и видел, как меня поразило увиденное. – Я просто подумал, что вам стоит это увидеть. Извините.

– Спасибо, – тихо сказал я, гадая, есть ли у меня в машине запасная пара брюк.

Я снова прошелся по камере, загипнотизированный своим именем. Некогда такое родное и знакомое, теперь оно ка-

залось чужим и враждебным, направленным против меня.

Было видно, откуда он начал писать, но у этого «послания» не было ни конца, ни развязки, оно не содержало никакой угрозы. Он просто остановился и все. И не оставил ничего, из чего можно было бы вывести хоть какие-то эмоции.

Я рассказал эту историю друзьям, некоторые из которых были психиатрами, и все они пришли к выводу, что меня напугали эти настенные надписи. Да, так оно и было. Но было и кое-что еще.

В тот вечер я пришел домой в брюках от спортивного костюма и рассказал своей жене Джо, что произошло.

– Я собираюсь обучаться судебной психиатрии, когда закончу свои исследования, – объявил я.

Судя по ее реакции, она не сильно удивилась.

– Нам надо будет установить сигнализацию в доме, – добавил я.

Она оглядела меня с ног до головы.

– Ты ходил в спортзал?

Я много разговаривал с людьми, которые из-за пристрастия к азартным играм лишились способности нормально распоряжаться деньгами, потеряли свои дома и семьи. Так вот они рассказывали мне, что стали зависимыми с того момента, как получили первый крупный выигрыш. Моим первым большим выигрышем, скажем честно, стало чтение собственного имени на стенах камеры. Я был в ужасе, но возбуждение намного перевесило страх. Я оказался на крючке.

А что насчет Фрэнка?

Три недели спустя он отправился в Лейквью. Учитывая смягчающие обстоятельства, его осудили за непредумышленное убийство, а затем выпустили, когда я спустя несколько лет начал работать там консультантом.

А что с человеком, который писал на стене?

Он живет своей жизнью, подробнее я расскажу о нем чуть позже. Еще я расскажу вам о двадцати пяти годах работы в тюрьмах и охраняемых больницах, о диагностике и лечении людей с психическими расстройствами в системе уголовного правосудия и о работе в качестве свидетеля-эксперта.

**Я РАССКАЖУ ВАМ О ТОМ, ЧТО
ПРОИСХОДИТ ЗА ЗАКРЫТЫМИ ДВЕРЯМИ В
МИРЕ СУДЕБНОЙ ПСИХИАТРИИ.**

Это рассказ о моих пациентах и обо мне. Это книга о том, чему мы научили друг друга и как этот опыт изменил меня.

Это книга о том, что касается всех нас, и о том, чего мы больше всего боимся.

Дом с видом на Лейквью, двадцать пять лет спустя

Мой кабинет невелик, но именно там я провожу бóльшую часть своего времени, если не осматриваю пациентов в отделении. Здесь я нахожусь и сейчас, окруженный записями, сделанными на протяжении всего времени, что я работаю в судебной психиатрии.

**В ЭТОМ ОТДЕЛЕНИИ ЛЕЧАТ
ПРЕСТУПНИКОВ С ПСИХИЧЕСКИМИ
РАССТРОЙСТВАМИ, ЛЮДЕЙ, КОТОРЫХ
РАНЬШЕ НАЗЫВАЛИ НЕВМЕНЯЕМЫМИ
ПРЕСТУПНИКАМИ.**

Здание больницы окружено пятиметровым забором, глядя на который сразу понимаешь, где именно ты находишься, если вы, конечно, представляете, что такое пять метров, – а это, к слову, почти на метр выше двухэтажного автобуса.

Когда больницу только строили, местные жители выступали против такого соседства. Я же в момент, когда рассматривалась заявка на планирование, стригся и брился в местной парикмахерской.

– Это отвратительно, если хотите знать мое мнение, – сказал парикмахер. – Нам здесь такое не нужно. Это приличный район. – Он покрыл пеной мою щетину. – Итак, чем вы за-

нимаетесь?

Я бы ответил, если бы не острая бритва у моей шеи.

На самом деле охраняемое подразделение всегда работало тут, правда, оно было меньше, чем сейчас, но тем не менее функции выполняло те же. При этом местные жители практически о нем не думали.

Мой кабинет – это унылая каморка с серо-пепельными стенами: письменный стол с одной стороны, книжный шкаф – с другой и два больших картотечных шкафа, обрамляющих окно, выходящее на теннисный корт.

Бухгалтеры поймут, о каком цвете я говорю. В помещении со стенами точно такого же оттенка, случается, попадают их клиенты, когда они получают неожиданно большой налог. Врачи в отделении неотложной помощи знают его по пепельному выражению лиц у жертв сердечного приступа, когда их только что увезли на машине скорой помощи от того самого бухгалтера.

Даже вертикальные жалюзи, закрывающие теннисный корт, серые – чуть темнее, чем картотечные шкафы, скорее цвета мокрого асфальта, но все равно серые. Последний раз я опускал жалюзи шесть или семь лет назад, тогда еще отвалилась одна из вертикальных половинок. Теперь там зияет щель, и я всегда обещал себе, что прикреплю отвалившуюся планку обратно, но так и не сделал этого. Всегда находились дела поинтереснее.

Кресло, которым я пользуюсь, похоже на большинство

офисных стульев на ножке и пяти маленьких колесиках. Спинку и сиденье можно регулировать – вверх, вниз, вперед и назад. Одно из колесиков постоянно поворачивалось не в ту сторону всякий раз, когда я проталкивался от стола к картотечному шкафу, и стул буксовал, как неподатливая тележка из супермаркета. Поэтому я снял сломанное колесико.

Я думаю, я немного похож на свое кресло. Оно все еще шатается, но теперь более предсказуемо, и я знаю, как правильно его сбалансировать. Сиденье, кстати, не серое, а темно-бордовое. Я не знаю почему, но это немного тревожит.

Вид на теннисный корт совсем не такой, как вы могли бы себе представить. Последний раз им пользовались двадцать лет назад, и с тех пор он находится в состоянии благородного упадка. Иногда тихими вечерами, когда я работаю допоздна, мне кажется, что я слышу призраков из предыдущих поколений игроков: вот пациент, разминающийся перед сетом со своим врачом. Они обмениваются милыми шутками типа: «Доктор, как вы думаете, мой Эдипов комплекс пройдет, когда отец умрет? Кстати, классный удар».

Теперь вместо этого поля переполненная автостоянка, вся в колдобинах и лужах. И на дворе не нежный летний вечер, как пятьдесят лет назад, а холодное серое утро: едва светает, и завтра мой последний день в Лейквью.

Я слышу знакомые шаги Энтони за моим окном и мельком вижу его сквозь щель в жалюзи, он со стажером входит в здание. Я не уверен, что работал бы здесь, в больнице Свя-

того Иуды, если бы не Энтони. Он был лучшим из коллег и лучшим из друзей.

– Суд был очень впечатлен моими показаниями, – слышу я его слова. – Не часто удается добиться признания невменяемым, особенно так быстро. Он жуткий параноик. Давайте увеличим дозу оланзапина до двадцати миллиграммов и попробуем дать ему немного клоназепама – двух миллиграммов должно хватить.

Мой взгляд возвращается к ржавому, гниющему ограждению вокруг теннисного корта. Оно резко контрастирует с плотным забором вокруг отделения – тот бетонный монолит напоминает всем, что это место особенное, здесь врачи задерживают пациентов и ограничивают их свободу.

**В МЕДИЦИНЕ ЕСТЬ ТОЛЬКО ДВЕ
ОТРАСЛИ, В КОТОРЫХ ПАЦИЕНТОВ
ДЕРЖАТ ВЗАПЕРТИ ПРОТИВ ИХ ВОЛИ
– ЭТО ИНФЕКЦИОННЫЕ ОТДЕЛЕНИЯ И
ПСИХИАТРИЧЕСКИЕ.**

Высокий забор охраняет и тех, кто внутри, и тех, кто снаружи, – пациенты надежно закрыты от внешнего мира, а местные жители защищены от пациентов. Если не знать, что перед нами больница, то можно подумать, что это тюрьма. Каждый день я принимаю по пятнадцать пациентов, лежащих здесь в стационаре. У десяти из них шизофрения, у двоих – биполярное расстройство, а у остальных – смешанный набор нарушений: сложности при обучении, расстрой-

ство аутистического спектра, черепно-мозговые травмы или неврологические заболевания. У многих в анамнезе имеется злоупотребление психоактивными веществами – алкоголем, кокаином, крэком, амфетамином или героином, – и у большинства какое-либо расстройство личности. В целом пациенты молоды и содержатся под стражей в соответствии с Законом о психическом здоровье (англ. Mental Health Act, МНА).

Снова раздаются шаги, на этот раз в коридоре. Я знаю, как ходят все мои коллеги, и поэтому готов увидеть в дверях лицо Элейн. Она главная медсестра и моя самая любимая сотрудница. Ее рост – всего метр пятьдесят, тело как спичка, косички, и в опасной ситуации я не хотел бы работать ни с кем, кроме нее. Однажды я видел, как она уговаривала остановиться психопата, вооруженного ножом. Он был профессиональным боксером, он весь вспотел от гнева и был готов к бою, но она превзошла его в каждом раунде.

Она пристально смотрит на меня.

– Как дела, Бен?

Я пытаюсь безразлично пожать плечами.

– Все хорошо. А у тебя?

Она не отвечает. Она никогда не отвечает.

– Ты уже был в отделении?

– Нет. Я пришел пораньше, чтобы забрать записи.

– Значит, сегодня последний день?

– Завтра, – поправляю я ее. – Я попрощаюсь завтра.

Она стоит там одно мгновение, вероятно раздумывая, что сказать. Оглядывает мой кабинет, рассматривая наполовину упакованные коробки, и ее взгляд останавливается на пробковой доске. В верхнем левом углу, рядом с несколькими фотографиями, прикреплен старый желтый конверт от письма, адресованного доктору Бену Кейву, судебному психиатру-консультанту, буквы написаны выцветшими синими чернилами. Вокруг моего имени случайным образом расположены десять или более отверстий от булавок, каждое из которых сделано при переезде из кабинета в кабинет. Единственное, что неизменно путешествовало со мной на протяжении многих лет, – это письмо и моя коллекция медико-юридических отчетов, с каждым разом растущая, а также собственные заметки о разных случаях и резюме.

– Это мой почерк... – озадаченная Элейн указывает на конверт.

– Ты написала мне приветственное письмо, когда я только начинал работать. Это было первое письмо, которое я получил как новый консультант.

– И ты сохранил его. Как давно это было?

– Очень давно. Лет семнадцать назад.

Я не стал говорить ей, что вообще-то это одно из самых пассивно-агрессивных приветственных писем в моей жизни, если вообще не в истории человечества: «Я просто хочу, чтобы вы знали, что ваш предшественник был лучшим психиатром, с которым я работала. Очень надеюсь, что вы будете

соответствовать заданным им высоким стандартам. С нетерпением жду возможности поработать с вами. Элейн».

Тем не менее это было приветствие, и, что еще важнее, в нем значилась моя новая должность. Моя милая, новая, блестящая должность: судебный психиатр-консультант. В больнице Святого Иуды. Я, черт возьми, сделал это.

Мой предшественник был всеобщим любимцем. Он был умен, разумно тратил свое время, во многих вещах был первопроходцем, а потом отменил лекарство у пациента. И у того случился рецидив. В результате он зарезал человека.

– Послушайте, в отделении довольно тихо, – говорит Элейн. – Я послала кое-кого из своей команды помочь с новоприбывшими. Он заступил на смену прошлой ночью. Почему бы тебе не попросить врача сделать обход? – Она посмотрела на груды записок, лежащих на полу и столе. – Похоже, тебе нужно собрать свои вещи.

– Спасибо. – Я киваю и указываю на ее плечо и руку. – Становится лучше? Извини, я забыл спросить.

В палате, где осматривают пациентов, занавески натянуты на металлические стержни, каждый длиной около 40 сантиметров и диаметром 3 миллиметра. Они были скрыты от посторонних глаз обернутым вокруг них материалом. Но пациент, который напал на Элейн, схватил один стержень и пустил его в ход.

Она вынимает руку из перевязи и поднимает ее.

– Мне больно, когда я так делаю.

Она улыбается, ожидая моей реакции.

– Тогда не делай. – Я слабо улыбаюсь ей. – Seriously, ты в порядке?

Она кивает, уходя, но не отвечает. Я закрываю дверь, сажусь и машинально подкладываю Оксфордский учебник по психиатрии под стул, вместо отсутствующего колесика. Жаль, что в нем нет раздела о том, что происходит, когда все идет не так, как надо. Там нет главы под названием «Расследование убийств и как изящно уйти в отставку». После того как расследование выявило критику действий моего предшественника, он уволился одним днем, а потом заболел раком поджелудочной железы и через шесть месяцев умер.

**НЕСМОТЯ НА НЕКОТОРУЮ
НЕПОЛНОЦЕННОСТЬ, ОКСФОРДСКИЙ
УЧЕБНИК ПО ПСИХИАТРИИ КАК РАЗ
ПОДХОДЯЩЕЙ ТОЛЩИНЫ И ОТЛИЧНО
ЗАМЕНЯЕТ НЕДОСТАЮЩЕЕ КОЛЕСИКО.**

Книга «Принципы и практика судебной психиатрии» немного толстовата, а мой последний учебник по криминологии слишком тонкий. Тома Фрейда еще более тонкие и потому совершенно бесполезны, а руководство Джонса по Закону о психическом здоровье постоянно используется по назначению.

Я кручусь на стуле и решаю, что если я, как только стул остановится, окажусь лицом к картотечным шкафам, то разберусь со своими заметками, а если столкнусь с чем-то дру-

гим, то выпью чашку чая. Это похоже на русскую рулетку, но без фатальных неприятностей. В любом случае мне не хочется принимать никаких решений, по крайней мере сегодня. В итоге я отворачиваюсь от шкафов и обнаруживаю, что снова смотрю на стол и желтый конверт. Рядом с ним моя фотография, где мне лет десять и я оканчивал начальную школу. У меня в руках куча спортивных трофеев. Я смотрю на себя тогдашнего, наклоняюсь и ставлю чайник. Неужели это правда я?

Письмо в желтом конверте адресовано доктору Бену Кей-ву, главврачу – теперь это мой новый титул. Я ухожу из Национальной службы здравоохранения и собираюсь управлять сетью психиатрических больниц. Я прочитал записку внутри.

«Я помню, что писала тебе много лет назад. Возможно, тебе будет интересно узнать, что я и твоему преемнику отправлю то же письмо, что и тебе».

В записке есть постскрипtum. Она говорит, что не думает об уходе на пенсию из-за того, что произошло. Но подозреваю, что она лжет, и я, вероятно, единственный человек, который это знает.

Я сажусь и открываю iTunes на своем телефоне. Прокручиваю до Шуберта. Но Шуберт не поможет, по крайней мере сегодня. Я продолжаю листать, пока не добираюсь до рок-группы Talking Heads. Песня Once in a Lifetime, кажется, соответствует всем необходимым в данный момент требовани-

ям.

Я улыбаюсь, закрываю дверь, делаю глоток чая, прибавляю громкость и кладу перед собой следующую папку заметок. Чай и громкая музыка. Никаких решений, не сегодня. У меня ощущение, что я прогуливаю занятия.

Сегодня – время размышлений. Завтра – время прощаний.

Необходимость рефлексии

Работая в психиатрии, я знаю, что все может пойти не по плану. Я знаю, что совершал ошибки и что у меня всегда были высокие стандарты. Мой внутренний перфекционист требует, чтобы я все сделал правильно, и я ругаю себя, если так не получается. Я хочу, чтобы все было идеально, хотя, к сожалению, так никогда не бывает.

За все время работы в психиатрии я узнал, что особый стресс возникает из-за несоответствия идеала реальности. Ну то есть неспособность правильно подобрать лекарство, неспособность убедить невежественного пациента принять его. Подозреваю, что другие люди переживают нечто подобное.

ТРОЕ МОИХ КОЛЛЕГ ПОКОНЧИЛИ С СОБОЙ ИЗ-ЗА ПСИХИЧЕСКОГО ЗАБОЛЕВАНИЯ.

Жизнь многих других людей была сформирована и затронута их собственным опытом болезни или трудностями, связанными с ее преодолением. Развод, депрессия и зависимость – обычное дело в моей профессии. Это напряженная работа, и требования к ней весьма высоки.

Общая и судебная психиатрия – мои специализации, и я скажу вам, что эта профессия далека от мирного созер-

цательного занятия. Людей привозят в больницу часто против их желания, буквально с криками. Пациенты причиняют боль и себе, и другим – врачам и ухаживающему персоналу.

БОЛЕЕ ТОГО, РАНО ИЛИ ПОЗДНО БОЛЬШИНСТВО ВРАЧЕЙ ХОТЬ РАЗ ПОДВЕРГАЮТСЯ НАПАДЕНИЮ СО СТОРОНЫ ПАЦИЕНТА. И В ЭТОТ МОМЕНТ В ИХ ПОЛЕ ЗРЕНИЯ НЕТ ДАЖЕ КУШЕТКИ, ЧТОБЫ СПРЯТАТЬСЯ.

Я постоянно вижу медсестер и коллег-медиков, которые «выгорают» на работе. Достигают точки, когда понимаешь: все, с меня хватит. Стремительно теряется интерес ко всему, словно в баке не остается топлива – немного похоже на то, как бегун на длинные дистанции выдыхается и падает навзничь.

Честно говоря, я тоже не так давно почувствовал, что после стольких лет работы судебным психиатром-консультантом момент выгорания все ближе. Я потерял искру. Бывали дни, когда мне просто не хотелось идти на работу. Я поговорил с одним из друзей, он терпеливо выслушал меня и сказал, что ему до пенсии осталось четыреста двадцать шесть дней. Другой предложил антидепрессанты. «Мне они помогли», – признался он.

Но мне не нужны ни отставка, ни антидепрессанты. Мною всегда двигало чувство цели и самореализации, которым я наслаждался на протяжении большей части своей карьеры.

И я хочу вернуть это ощущение.

Психоанализ, по мере сокращения бюджетов, становится все более маргинальной отраслью психиатрии. С помощью психоанализа можно исследовать наши бессознательные побуждения, выяснять, почему мы действуем так или иначе. С этой точки зрения психоанализ – это высшая форма рефлексивной практики. И если где-то в современной практике еще можно найти знаменитую кушетку, то это именно здесь, в психоанализе.

– Где ваши отчеты о делах и бланк по самооценке? – спросила Клэр, психиатр и психоаналитик, которая оценивала меня перед моей последней аттестацией³. Она просмотрела документы, которые я отправил еще до того, как мы познакомились.

– У меня есть отчеты по делу. На самом деле я не слишком много занимался самооценкой, – сказал я. – Позвольте мне показать вам мою внешнюю оценку.

Время от времени мы спрашиваем коллег, что они думают о нас: мы опрашиваем людей, которые отвечают за нас, сотрудников, коллег, пациентов и всех остальных, кто играет важную роль в нашей работе. Это внешняя оценка, потому что она фиксирует мнение окружающих.

Я набрал очень высокие баллы почти во всех областях.

³ Каждые пять лет врачи проходят процедуру повторной аттестации. С ее помощью подтверждают их ежегодную оценку, и тогда можно гарантировать, что они соответствуют современным требованиям и пригодны для работы.

Я был доступен, я принимал ясные и очевидные решения, я был чутким, я был хорошим начальником, и мои пациенты любили меня и чувствовали, что их слушают. Единственным неприятным замечанием было то, что я не очень хорошо воспринимал критику.

Она улыбнулась.

– Это очень впечатляющие результаты.

Я почувствовал удовлетворение.

– Нужно очень усердно работать, чтобы получить такие баллы.

Я нетерпеливо кивнул. Она полностью права.

– Чувствуете ли вы потребность в одобрении других?

Да.

– Нет, дело не в этом. Я просто подумал, что вам захочется взглянуть на результаты внешней оценки.

– Это очень показательно.

– Почему же?

– Должно быть, трудно так много помогать другим.

Я почувствовал, что краснею.

– Вы не любите критику.

– А разве кто-то любит?

Я сидел там и думал, как она превратила то, чем я гордился, в то, что заставило меня смутиться? Я знаю, что на самом деле все было не так, но именно так я себя чувствовал, а она сидела тут, вся такая «психоаналитическая».

Я просто молчал.

Слушал, как тикают часы. Выглянул в окно. Посмотрел на свои ногти и подумал обо всей той работе, которую мне нужно сделать. И тогда я задумался.

– Я думаю, мне нужно все контролировать, – сказал я в конце концов. – Мне не нравится, когда я не владею ситуацией и что-то идет не по плану. Мне важна обратная связь, чтобы получалось удовлетворять потребности других людей, а потребности эти часто противоречивы. Так, в отделении должны быть жесткие правила, чтобы снизить уровень тревоги и пациентов, и персонала, но при этом пациенту нужна определенная свобода. – Я попытался поискать другие примеры того, как справлялся со сложными ситуациями, но обнаружил, что мои мысли блуждают. – Как будто взрослый становится ребенком в отношениях, а ребенок превращается в отцовскую фигуру. Все, что я делаю, – контролирую. У меня это хорошо получается. Я не знаю почему, но это так.

Клэр посмотрела на меня.

– Когда мы договаривались о встрече, вы сказали, что ваша мать больна, возможно, умирает.

Я почувствовал комок в горле.

– Так и есть. Я хочу увидеться с ней завтра.

– Что случилось?

– Сейчас у нее деменция. В течение многих лет, даже когда я был еще очень молодым, мне нужно было поддерживать ее эмоционально. Она страдала повышенной тревожностью и часто впадала в депрессию.

Я вдруг понял, что больше не могу говорить.

– Дайте мне подумать.

Я контролирую ситуацию не больше, чем кто-либо другой. Теперь я это понимаю. Я сам придумал, что обладаю какими-то сверхспособностями, и это стало утешительным заблуждением. Но пришла пора преодолеть свои страхи по поводу рефлексии и начать открыто говорить о том, что я делаю и что думаю.

Это мой антидепрессант. Я хочу наверстать упущенное время. Чтобы защитить частную жизнь своих пациентов и знакомых, я изменил имена, даты, хронологию и ключевые детали. Если кто-то узнаёт себя, он, скорее всего, ошибается. Некоторые истории взаимосвязаны. В других мужчина может превратиться в женщину, а пожилой человек стать молодым.

Есть некоторые исключения, когда случаи являются общественным достоянием и к ним нельзя применить критерий анонимности без потери смысла.

**ЕЩЕ Я ОБСУЖДАЮ САМОУБИЙСТВО
КОЛЛЕГИ, НО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО С
РАЗРЕШЕНИЯ ЕЕ МУЖА.**

Я работал во многих тюрьмах и более чем в двадцати больницах. Все больницы я объединил в больницу Святого Иуды, тюрьмы называю Крэмпсмуром, а учреждения повышенной безопасности – это Брэмворт.

Любое сходство с реальными людьми является случай-

ным. В остальном все описанное – правда. Все это произошло на самом деле. Ищите и наслаждайтесь моментами света, потому что бóльшая часть данной книги пронизана тьмой. Настоящей чернотой.

Нахожу свое призвание: славные и ужасные силы

Я не всегда хотел быть врачом. В детстве я смотрел на пролетающие над головой самолеты и страстно желал оказаться на борту. Я никогда никуда не летал на самолете, поэтому решил, что для этого надо обязательно быть пилотом – логичный вывод. Всю начальную школу я собирался стать именно им. Но вдруг обнаружил, что страдаю дальтонизмом.

В моей школе учился мальчик постарше, его надежды на вступление в Королевские ВВС тоже рухнули по той же причине – лет в восемнадцать он понял, что не может отличить красное от зеленого. Все знали, что я хочу быть пилотом, и поэтому родители отправили меня к окулисту в центре Стокпорта. Я думаю, он был еще одним ротарианцем⁴ – моя мать, кажется, знала его. Он достал таблицы Ишихары для проверки цветового зрения и поставил их передо мной. Профессор Ишихара разработал этот тест в 1917 году в Токио. По сути, это цветные капли – те, у кого нормальное цветовое зрение, видят, что эти капли составляют число; для тех же, кто не различает цветов, они выглядят как полотна Джексона Пол-

⁴ *Ротарианец* – участник благотворительного ротарианского движения. Ротарианцы в своей деятельности руководствуются высокими этическими нормами, способствуют развитию международного сотрудничества профессионалов, объединенных идеалами служения обществу.

лока.

В начале теста вам подсовывают нормальные картинки, но потом становится все труднее и труднее. Как будто ты снова сдаешь математику и убежден, что сдашь ее непременно на пять с плюсом. Но твоя уверенность разбивается о реальность, ты чувствуешь себя обманутым, и все вокруг подлости. Тебе дают табличку, все нормальные люди видят на ней число 74, а такие дальтоники, как я, видят просто кучку зеленых точек на фоне красных пятен. Иногда кажется, что ты видишь что-то вроде числа 21, но даже тогда нельзя сказать наверняка. Думаю, что тот, кто способен различать цвета, посмотрит косо на сидящего рядом: какой-то странный – как можно не суметь прочесть число «74»? Нелепо же! Но именно в такой ситуации я и оказался.

Сначала все было легко.

– Четырнадцать, – уверенно сказал я.

Моя мама улыбнулась, и окулист перешла к следующему изображению.

– Шестьдесят восемь, – нерешительно сказал я и посмотрел на мать.

– Просто прочитай число, Бен.

– М-м-м, не уверен, это немного похоже на...

– Бен, просто назови число, – сказала моя мать довольно настойчиво.

– Я не уверен. Я думаю, что первое число – это два...

– Бен, не валяй дурака.

– Мам, я и не валяю.

Я снова посмотрел на таблицу.

– Двадцать один, – сказал я почти извиняющимся тоном.

Именно тогда я почувствовал, как мать стукнула меня по затылку.

– Бен, не будь таким глупым.

Она извинилась перед окулистом и взяла свою сумочку, собираясь уходить.

– Миссис Кейв, – сказала врач, – Бен – дальтоник. Он не может как следует разглядеть цифры.

Мать села, явно потрясенная.

– Так вот почему он купил зеленые брюки для школы? Он сказал, что купил серые.

Врач кивнула, и я посмотрел на нее с вновь обретенным уважением. На ней был белый халат.

– Мне жаль, Бен, – сказала мама. Я думаю, это она извинилась за то, что ударила меня, и она действительно больше никогда так не делала. Но все же, процентов на двадцать, мама расстроилась из-за того, что пилотом мне не стать. И мы оба это знали.

* * *

На выбор моей карьеры повлиял еще и ранний интерес к гольфу, хотя это не так очевидно. Играя в гольф, я получил травму, про которую мне ничего не удалось найти в меди-

цинской литературе.

Дело было так: дом, где я жил, примыкал к школьному игровому полю, и мы с братом решили, что оно достаточно большое, чтобы использовать его как наше собственное поле для гольфа. Это было немного странно, ведь никто в нашей семье не играл в гольф: папа рос в относительной бедности в Бирмингеме во время Второй мировой войны и, похоже, большую часть детства провел в приюте Андерсона. Не только в семье, но и среди наших знакомых никто не играл в гольф, этот вид спорта никогда не был частью нашей жизни.

У нас не было необходимого снаряжения, и мы взяли деньги, подаренные нам на Рождество. Пошли в местный спортивный магазин и купили каждому по клюшке и несколько мячей Penfold. Мы тренировались бесконечно и в конце концов научились попадать по мячам и запускать их на разумное расстояние. Брат был старше, у него получалось пускать мяч по прямой. Я же вечно бил наискосок, и любой, кто находился в пределах сорока пяти градусов от намеченной мной цели, рисковал получить мячом, подвергаясь смертельной опасности.

Наступило лето. Мы уже достаточно натренировались, но все еще соревновались друг с другом на поле позади нашего дома, притворяясь Джеком Никлаусом, Томом Уотсоном или кем-то еще из великих игроков в гольф. Мы разыгрывали целые турниры, имея в арсенале две клюшки и цветочный горшок вместо лунки. Мы соревновались на равных. Мы ни-

чего особенно не понимали в тонкостях гольфа (нам вообще больше нравился футбол или регби), оценить собственные недочеты мы не могли, на мой возраст брат поправок не делал, да я и не хотел этого.

И вот как-то в августовский вечер, когда уже спустились сумерки, Том Уотсон (мой брат Фил) превзошел меня в серии ударов, воспользовавшись приемом из регби. И, хотя Джек Никлаус (то есть я) стал негодовать по поводу того, что Том пнул мяч вперед, как на футбольном поле, судья (тоже мой брат Фил) отменил решение рассмотреть претензию. Просто потому, что он был старше.

Мне пришлось признать поражение. Некоторое время я злился, но потом оттаял, и мы стали болтать обо всем на свете – а, как известно, ничегонеделание часто рождает великие идеи.

– Интересно, а что внутри мяча для гольфа, в самой середине? – лениво спросил я. Наш диалог напоминал беседу Винни Пуха и Пятачка.

– Я не знаю, – сказал брат. – Давай выясним?

Внезапно открылось второе дыхание. В нас проснулся азарт настоящих ученых, тяга к открытиям и острым ощущениям. Мы зашли в гараж и осмотрели папин верстак, за которым он часто проводил свободные вечера.

Для начала мы атаковали мячик большим металлическим напильником, но получалось не очень хорошо. Я держал мяч, а Фил орудовал напильником, который всякий раз со-

скакивал с кожистой поверхности мяча и резал мне пальцы.

Затем мы решили сделать по-другому, что и привело в результате к травме. Теперь, благодаря тренингу по анализу первопричин, который я прошел, чтобы изучать и предотвращать медицинские неудачи, я знаю, почему тогда все так вышло. Мой брат, который спустя годы защитил докторскую диссертацию по управлению рисками, без сомнения, подтвердил бы мою версию.

Первой причиной случившейся травмы был тот факт, что Фил вставил мяч для гольфа в тиски рядом с верстаком. Следующей причиной стал я, который посмотрел на папины инструменты, аккуратно разложенные на стене. Мой взгляд тогда упал на штуку, которая, как я впоследствии узнал, оказалась рубанком-рашпилем. Это такой очень прочный на вид инструмент, что-то вроде терки для сыра, которую придумал и сделал плотник.

Я взял рубанок, мы немного подрались, потому что брат решил тут же его у меня отобрать, и со всей дури налег на мяч.

Работа закипела, но после трех или четырех движений рашпиля мяч в тисках начал двигаться. На этом нам следовало бы остановиться, но мы достали мяч, осмотрели скрученные резиновые ленты, которые теперь обнажились и составляли его оболочку, и решили, что эксперимент невероятно интересный и его обязательно надо завершить.

Нужно было во что бы то ни стало добраться до ядра, ко-

торым, как мы полагали, был легендарный шар из латекса. Мы засунули мяч обратно в тиски и сжали так сильно, как только могли. Мы изо всех сил потянули и надавили на рычаг, потом молотком ударили по ручке, чтобы сжать мяч еще сильнее. Можно только догадываться, какого уровня давление мы создали и как отчаянно резиновая начинка пыталась найти выход. Это был прямой путь к катастрофе.

Брат выхватил у меня рашпиль и стал строгать вместо меня. Я попытался отобрать рашпиль. Но Фил был сильнее и оттолкнул меня. Сначала я возмутился, а потом разозлился. Я ощущал, как неприятное чувство растет внутри меня. Это чувство было знакомо, хотя я не уверен, что тогда смог бы дать ему название.

Я снова попытался выхватить рашпиль, но Фил отмахнулся от меня как от мухи. Доведенный до бессильной ярости, я просто встал позади брата и злобно уставился ему в спину. Каждая клеточка моего тела ненавидела его в ту минуту.

Мы были уже на миллиметр от катастрофы. Мяч под огромным давлением удерживают тиски, лицо Фила нависло всего в нескольких сантиметрах над ним, а мои скрытые способности причинять вред не знают границ.

Надо сказать, что я всегда мыслил довольно здраво, даже когда был совсем маленьким, и во всякие сказки про телекинез и сверхчеловеческие способности не очень-то верил, хотя частенько притворялся, что обладаю ими. На этот раз я и правда задумался, не я ли устроил это происшествие? Мой

гнев был настолько силен, что мне казалось, я могу пробить взглядом стену, а уж сдвинуть мяч от гольфа тем более!

Сперва я услышал шипение, как будто мяч очень быстро сбросил давление, а затем, почти сразу же, последовал звук мягкого глухого удара, словно кувалдой ударили по влажной почве. Знаете, бывают моменты, когда просто знаешь, что случилось что-то плохое. Вот это как раз и был такой момент. Фил будто замер, затем медленно отвернулся от верстака и описывая дугу, как в замедленной съемке, опустился на пол. Мяч для гольфа, точнее то, что от него осталось, продолжил лететь вверх, как обычный мяч для гольфа, который отбил Джек Никлаус, защищаясь от Тома Уотсона. Потом мяч с оглушительным треском ударился о жестяную крышу, отскочил обратно на пол, и некоторое время казалось, больше ничего не происходит. Все было как в кино, медленными отдельными кадрами: вот все замерло, а вот, спустя мгновение, застывшая картинка ожила, и мой брат продолжил падать на пол, пикируя как немецкий «Мессершмитт».

Дальше тишина.

О боже! Я убил его.

Но он это заслужил. Получается, я обладал волшебной и в то же время ужасной силой... Мне надо научиться использовать ее ответственно.

Но тут Фил начал кричать. Мне потребовалось некоторое время, чтобы воспринять этот новый звук, понять что брат жив, сделать вывод, что у меня все-таки нет сверхчеловече-

ских способностей, и сообразить, что ситуация достигла той точки, когда необходимо срочно бежать за помощью к Кристоферу Робину (в нашей истории эту роль играл отец).

Я взглянул на кроваво-бордовое лицо Филадельфии, отметил припухлость и то, как странно он смотрел – одновременно и на меня, и на другую стену гаража. Все это очень сбивало с толку.

– Папа, – крикнул я, – и завопил сильнее: – ПА-А-А-АП!

К счастью, мне не нужно было бежать за отцом. Услышав, как мяч ударился о крышу гаража, и зная, что двое его сыновей играли где-то там снаружи, он сам мгновенно прибежал в гараж. Он увидел Филадельфию, который весь в крови сидел на полу. Я стоял рядом и испуганно произнес: «Мяч для гольфа попал ему в глаз»... Пыль, сбитая ударом мяча, падала с потолка, как грязный снег, и мягко опускалась на нас обоих, делая пепельно-серыми.

**Я МНОГО ХОРОШЕГО МОГУ СКАЗАТЬ
О СВОЕМ ОТЦЕ, НО ТОТ СЛУЧАЙ
Я ЗАПОМНИЛ ОСОБЕННО. ЭТО БЫЛ
МАСТЕР-КЛАСС НА ТЕМУ, КАК СОХРАНЯТЬ
СПОКОЙСТВИЕ В КРИЗИСНОЙ СИТУАЦИИ.**

Он мгновенно сориентировался, задал мне несколько кратких и очень четких вопросов. Одновременно он осматривал лицо брата и проверял, нет ли других травм. Спустя годы, когда мне впервые пришлось столкнуться с крупным инцидентом в отделении неотложной помощи, я вспомнил

тот папин урок.

Он велел позвать маму, рассказать ей, что случилось, и сообщить, что мы едем в больницу. Ему наверняка хотелось первым делом наорать на нас и потребовать объяснить, как так вышло, что мяч для гольфа почти выбил глаз моему брату, но он сдержал эмоции, ни о чем не спрашивал, а только действовал. Случившееся мы обсуждали позже, и, надо сказать, не один раз. Я до сих пор помню, как в августе того лета меня запирали в комнате и строго наказывали подумать о своем поведении и осознать наконец, какая это глупость – зажимать мяч для гольфа в тиски! И да, я дам вам хороший совет: никогда не пытайтесь разрезать мяч для гольфа рубанком-рашпилем. В крайнем случае наденьте хотя бы защитные очки.

Воспоминания о той поездке в травмпункт остались размытыми, но я помню, что мне разрешили наблюдать, как врач аккуратно и тщательно осматривает рану моего брата.

– Нам понадобится глазной хирург, – наконец произнес доктор.

Папа просто кивнул, а мама... Ну, я должен отдать ей должное, она держала себя в руках, несмотря на весь ужас происходящего. Я знал, что она страшно переживала.

Я не могу представить, чтобы в наши дни ребенку разрешили присутствовать на осмотре. Все изменилось, и я вот думаю, к лучшему ли это?

Когда я первый раз летел на самолете, помню, как зашел

в кабину вместе с пилотом, и мне разрешили осмотреться. Когда мне было семнадцать, я устроился на работу в травмпункт, желая поступить в медицинскую школу. Я наблюдал, как дежурный врач делал пересадку кожи на изъязвленной ноге бездомного мужчины. Врач был другом моего брата, служил в армии и наверняка был знаком с техникой ведения боя. Затем он проинструктировал старшего ординатора, как использовать инструмент под названием «дерматом»⁵, чтобы взять немного кожи с бедра пациента. Врач объяснил все правильно (даже я мог понять, что и как делать), но сам несколько раз пробормотал себе под нос: «Черт возьми». Инструмент очень напоминал маленький рубанок. Мой отец брал такой для тонкой работы и меня научил им пользоваться.

– Я мог бы это сделать, – вдруг услышал я свой собственный голос.

Армейский врач недоверчиво посмотрел на меня и указал на пациента.

– Хорошо, тогда сделай. Подойди сюда и надень перчатки.

Именно тогда, в больнице Северного Манчестера, в возрасте семнадцати лет, я провел свою первую операцию. И я неплохо справился, определенно лучше, чем старший ординатор.

⁵ Дерматом представляет собой специальный медицинский инструмент для снятия тонкого кожного лоскута с донорского участка для последующей пересадки.

Наблюдая за обследованием моего брата, я впервые увидел, что такое медицина. В конце концов меня прогнали из кабинета, но я успел впечатлиться, и это было настоящим откровением.

Через некоторое время вместе с родителями слушал врача – брату сняли повязки, и консультант-офтальмолог пришел поговорить с нами. Мама и папа ловили каждое его слово.

– С ним все в порядке. Зрение удалось сохранить. Все не так плохо, как мы опасались.

Я наблюдал, как мои родители обдумывают сказанное, ищут любое скрытое сообщение, проверяют слова доктора на предмет каких-либо сомнений, а затем выражают облегчение. Врач был великолепен. Новость, которую он им сообщил, была ясной и вселяла уверенность. Все было идеально. Он улыбнулся маме и папе, принял их благодарность от имени своей команды, а затем ушел, его белый халат героически развеялся за ним, как плащ Супермена. Все это заняло меньше минуты.

Я больше не хотел стать пилотом. В то время я этого не осознавал, но оказалось, что в тот момент я нашел свое призвание.

* * *

Много лет спустя после того злополучного эксперимента с мячом для гольфа я снова оказался в офтальмологическом

отделении. Я проходил мимо пациентов, лежащих на койках. Лица были забинтованы после операции, а родственники сидели рядом и держали своих близких за руки.

Одна из медсестер поздоровалась со мной.

– Спасибо, что пришли, – сказала она.

Я пришел повидаться с молодым человеком по имени Сэм и спросил:

– Удастся ли ему сохранить зрение?

Это звучало так знакомо.

– Врачи говорят, что да. – Она повела меня в конец отделения, где он ждал встречи со своими родителями. – Его оперировали вчера. В данный момент он все еще в бинтах.

– Каково ему находиться под наблюдением?

– Он кажется расстерянным, как будто это происходит не с ним.

– Он сам нанес себе эти травмы?

Она выразительно кивнула. Я последовал за ней к сестринскому посту и наблюдал, как она полезла в картотеку.

– Есть фотография, которую сделал его отец. Вам нужно ее увидеть.

Я смотрю на фотографию куска дерева, похожего на маленькую половицу, оторванную от стропил, с гвоздем на одном конце.

– Вот что он использовал. Он схватил эту деревяшку, чтобы забить гвоздь себе в глаз. Вокруг глазницы было несколько ран, но один удар угодил в само глазное яблоко. Полицей-

ские привезли его сюда, точнее, они приехали с ним в машине скорой помощи. Потом он попытался уйти и начал цитировать нам Библию. Его сразу забрали на операцию, и мы позвонили вам.

Я кивнул.

– Хорошо. Почему была задействована полиция?

– Прежде чем нанести себе увечья, он напал на соседей. Он думал, что они пытаются убить его. – Медсестра открыла дверь в палату и сказала: – Я пригласила психиатра осмотреть вас. Это доктор Кейв.

Родители Сэма сидели по обе стороны от него, а у миссис Нельсон на коленях устроилась девочка. Я думаю, ей было около шести.

– Он что, ослепнет? – спросила девочка, как только я сел, и я увидел, как мать легонько похлопала ее по ноге в знак предостережения. Я предполагаю, что ей велели ничего не говорить и особенно не спрашивать, ослепнет ли ее старший брат.

– Не знаю, – ответил я. – Я пришел, чтобы выяснить, как и почему это произошло. А на твой вопрос ответят хирурги.

Сестра пациента задумчиво кивнула. Она была умной маленькой девочкой.

– Он что, сумасшедший?

Это замечательно! Ее родителям потребовалась бы не одна неделя, чтобы задать тот же вопрос вслух, а девочка сделала это сразу. Они, очевидно, обсуждали его поведение меж-

ду собой. Мать не стала ее отчитывать, она просто слегка наклонилась вперед, и тогда я увидела, что мистер Нельсон тоже посмотрел на меня. Они были похожи на моих родителей, ловивших каждое слово врача, но пока у меня не было для них слов утешения.

Кто такой психиатр?

Можем ли мы доверять вам?

Будет ли Сэм в порядке?

Наш сын сошел с ума?

Вы ему поможете?

Что с ним будет?

Его привлекут к ответственности?

Даже Сэм на мгновение повернулся ко мне, но затем его внимание рассеялось, и я увидел, что он что-то бормочет себе под нос.

Куда я дел свой плащ?

Я посмотрел на девочку и почувствовал, как три пары глаз впились в меня. Он сумасшедший? Вот в чем был главный вопрос.

– Это зависит от того, что подразумевать под безумием, – обратился я к девочке. – В твоём возрасте я пытался разрезать мяч для гольфа пополам. Я хотел знать, что там внутри. Но мы так сильно сдавили его, что он выскочил из тисков и попал прямо в глаз моему брату. Папа сказал, что мы сошли с ума, но это было не безумие, а просто глупый поступок. – Я посмотрел на родителей Сэма. – Вопрос в том, почему он

поранился, есть ли у него болезнь и как мы можем ему помочь? – Я снова повернулся к девочке. – Нам нужно выяснить, почему Сэм повредил себе глаз.

– А ваш брат потерял глаз? – сразу же спросила она.

– Нет, с ним все было в порядке.

Она выслушала мой ответ, повернулась обратно к матери и прижалась к ней головой.

– Хотите, я отведу ее погулять? – спросила миссис Нельсон, баюкая дочь.

– Я не возражаю против ее присутствия. Я буду рад, если она останется здесь с вами. Только вы периодически напоминайте ей, что она ни в чем не виновата, а то детям порой приходят в голову очень странные мысли.

Я наблюдал за Сэмом, пока мы обменивались репликами с его матерью.

У него были активные галлюцинации: он был настолько поглощен голосами в своей голове, что едва мог сосредоточиться на происходящем вокруг. Время от времени он протягивал руку и теребил что-то перед собой – скорее всего, у него были еще и зрительные галлюцинации. Он так сильно сам себе повредил глаз, что мог ослепнуть, и, вероятно, он сделал это в состоянии религиозного бреда.

Сэм не хотел, чтобы его родители уходили, поэтому пришлось разговаривать с ним в их присутствии (его младшая сестра мирно спала в это время, прижавшись к груди матери).

– Как вы себя чувствуете, Сэм?

– Я... Я... Я не знаю. Он во мне. Грех находится во мне. Он у меня в глазу. Я вижу, как он кипит. Я вижу разные вещи. – Он замолчал, сжал кулак и несколько раз ударил себя по голове. – Я не могу думать. Мысли побуждают к действиям. Что сделали с моим глазом?

Миссис Нельсон сидела неподвижно, и слезы текли по ее щекам. Я попытался задать Сэму еще несколько вопросов, но все это утомило его, и он вернулся к бормотанию. Я повернулся к его родителям.

– Когда он в последний раз вел себя нормально?

Они переглянулись, и мистер Нельсон ответил:

– Около года назад. Когда ему исполнилось восемнадцать, сразу после получения аттестата. Я знал, что он употреблял иногда немного марихуаны, но не волновался по этому поводу. Потом он стал религиозным. Я думал, что это просто временный этап. Мы сами верим в Бога, но он дошел до того, что проводил в своей комнате все свободное время и изучал Библию. Потом, примерно месяц назад, он перестал даже следить за собой, мыться и все такое.

– Он не хотел с нами разговаривать, – добавила миссис Нельсон.

– Были ли у него какие-либо необычные симптомы, например голоса или паранойя?

Они снова обменялись тревожными взглядами, словно задаваясь вопросом, почему они не сделали что-то раньше.

– Я слышала, как он разговаривал в своей спальне, – сказала миссис Нельсон. – Он уверял, что говорил по телефону, но я знала, что это не так. А иногда он спускался ночью и ел в одиночестве. Он не хотел есть с нами. Говорил, что еда странная на вкус. – Она прижала руку ко рту, чтобы подавить рыдания. – Он думал, что я пытаюсь его отравить.

– А какие-либо наркотики он употреблял, кроме упомянутой вами марихуаны?

– Он никуда не выходил. Ни с кем не виделся. Он думает, что кто-то приходит и передвигает его вещи по ночам. Пару раз мы вызывали психиатрическую бригаду, но он сказал, что с ним все в порядке. Сказал, что не хочет видеть никаких врачей. И знаете, он в этот момент выглядел вполне нормальным, у него хорошо получалось притворяться здоровым.

– Послушайте, – сказал я, поворачиваясь к пациенту. – Сэм, я думаю, вас нужно перевести ко мне в психиатрическое отделение в другом крыле больницы. Я беспокоюсь за вас и хочу убедиться, что с вами все в порядке и вы будете в безопасности.

– Слава богу, – услышал я вздох мистера Нельсона.

– Я должен быть уверен, что он снова не навредит себе, а если честно, что он опять не взбесится. Я приглашу медсестру из моего отделения, чтобы она посидела с ним, пока он восстанавливается после операции.

У Сэма было психическое заболевание, и я заметил до-

статочно острых проявлений, чтобы понять, что это, скорее всего, шизофрения.

Я знал, что должен перевести его в свое отделение. Учитывая историю болезни, риски и неспособность согласиться на госпитализацию, его нужно было содержать под стражей в соответствии с Законом о психическом здоровье.

Ведь рано или поздно полиция будет расследовать это дело, и Сэму могут предъявить уголовное обвинение – возможно, даже что-то типа нанесения тяжких телесных повреждений. Поэтому судьи хотят знать, годен ли он для того, чтобы предстать перед судом и признать себя виновным. Если да, то суду надо знать, был ли он с юридической точки зрения невменяемым⁶ в момент совершения преступления. Если нет, то необходимо понять, нужно ли его лечить в соответствии с разделом 37 Закона о психическом здоровье. И что еще более важно, я знаю точно, что не избежать очередного разговора с мистером и миссис Нельсон. И они непременно спросят меня, есть ли у Сэма шизофрения, а я посмотрю на них и скажу:

– Да, у Сэма шизофрения.

Тогда они мрачно кивнут и скажут мне, что я подтвердил их подозрения, сбылись их худшие опасения, в которые они

⁶ Это очень важный нюанс. В российском уголовном праве тоже имеет значение вменяемость именно в момент совершения преступления. Наличие психического расстройства для закона не исключает вменяемости. То есть человек может иметь диагноз, при этом в момент совершения преступления отлично понимать, что именно он делает и какие последствия его ждут.

не хотели поверить, пока не услышали новости от меня.

«У вашего сына шизофрения». Плохие новости. Но ясно и недвусмысленно. Это часть работы врачей – сообщать плохие новости.

«Ваш сын потерял слух. У вашего сына рак. У вашего сына лейкемия. У вашего сына опухоль головного мозга. У вашего сына диабет. Ваш сын умирает»... Быть может, тогда, много лет назад, весть о том, что с глазом моего брата все будет в порядке, была единственной хорошей новостью за весь день. Быть может, тот доктор за пять минут до этого сообщил другому пациенту, что тот ослепнет и с этим ничего нельзя поделать. Такая профессия...

Моя встреча с Сэмом и его родителями заняла двадцать минут, и я пообещал, что вернусь на следующий день. Когда я уходил, оба родителя поблагодарили меня. На самом деле я ничего не сделал, но полагаю, что, с точки зрения родителей Сэма, я бросил их сыну спасательный круг. И, хотя радости во всем этом мало, у них теперь есть хотя бы основания надеяться.

Успокоить же их мне удалось только три недели спустя, когда Сэма поместили в палату с низким уровнем безопасности в больнице Святого Иуды и начали вводить внутримышечные антипсихотические препараты. Бинты сняли, и удалось сохранить ему зрение. Психотические симптомы все еще присутствовали, и сестринский персонал по-прежнему очень внимательно наблюдал за ним.

**ОН ДО СИХ ПОР БЫЛ УБЕЖДЕН, ЧТО
ЕМУ НЕОБХОДИМО ОСЛЕПИТЬ СЕБЯ, И
ВРЕМЯ ОТ ВРЕМЕНИ ПЫТАЛСЯ ВЫКОЛОТЬ
ПОВРЕЖДЕННЫЙ ГЛАЗ.**

Не то чтобы он хотел намеренно причинить себе боль, нет – он просто чувствовал, что это его долг, даже необходимость. Его болезни был свойственен альтруизм, который требовал самопожертвования ради других. Иногда он сравнивал себя с Иисусом. Хотя до выздоровления было еще очень далеко, Сэм уже мог говорить о своих симптомах более связно. Однажды он сказал мне, что слышит голос в голове.

– Это я, это мой голос, – сказал он мне. – О, кажется, он знает, о чем я думаю, и я слышу слова, так же как слышу вас.

Это четкая, прямо-таки хрестоматийная иллюстрация того, что называется симптомом первого ранга шизофрении. Немцы называют это явление *gedankenlautwerden* – это разновидность галлюцинации, один из группы симптомов, которые психиатр Курт Шнайдер считал характерными для шизофрении. Он написал об этом еще в 1939 году, но только в 1950-х годах его статью оценила британская аудитория. Теперь мы знаем, что симптомы могут проявляться и при других состояниях, но они все равно влияют на клиническое суждение⁷ человека.

⁷ Под клиническим суждением подразумевают более сложное и многомерное суждение о клинике психического расстройства, чем те суждения, которые можно получить, руководствуясь лишь тем перечнем критериев, которые даются в

Сэм продолжал отказываться пить таблетки.

– Со мной все в порядке, – неоднократно повторял он, и мне в конце концов пришлось прописать ему инъекции нейролептика длительного действия.

Он будет нуждаться в лекарстве примерно раз в месяц, возможно, до конца своей жизни. Его родители навестили его в тот же вечер, как раз когда я выходил из его палаты. Они хотели узнать, как у него дела. Я предложил им пройти на улицу, и мы сели на скамеечки около кафе. Стоял теплый, приятный вечер, немного похожий на тот самый, из детства, когда мы с братом решили препарировать мяч для гольфа.

– Доктор, спасибо за все, что вы сделали для Сэма. Ему намного лучше, чем раньше.

– Это не только моя заслуга, это командная работа.

Не считая команды, занимавшейся непосредственно глазом, с Сэмом работали шесть медсестер, двадцать медицинских работников, психолог, психолог-интерн, специалист по трудотерапии, два других врача и социальный работник. И каждый из них сыграл важную роль в его лечении.

– Нам было интересно, не могли бы вы... ну, вы знаете... объяснить, что происходит, – сказали родители, запинаясь и с трудом подбирая слова.

Даже при положительной динамике лечения спрашивать обо всем этом почти невозможно.

– Вы готовы услышать мое мнение и узнать, что на самом

деле произошло? – спросил я. Они оба кивнули.

– У Сэма шизофрения. У него все еще бывают галлюцинации и по-прежнему сохраняется религиозный бред, который является частью его болезни. Я собираюсь оставить его в больнице до тех пор, пока он не будет представлять ни для кого опасности. Только тогда он сможет выйти отсюда, а пока поживет в отделении. Мы даем ему лекарство путем инъекций, и я надеюсь увидеть значительное улучшение в течение следующих нескольких недель.

Не знаю, как долго мы так сидели. Я обратил внимание на старика, который прошел мимо нас к одной из скамеек, толкая подставку для капельницы. Он сел неподалеку, достал пачку сигарет, закурил и глубоко затянулся. Он посмотрел на меня, и я понял, что пялюсь на него. Я снова повернулся к мистеру Нельсону.

– Во всем виноват каннабис? – спросил он.

– Нет, – сказал я, хотя не был до конца уверен, но на тот момент мой ответ был достаточно правдив. Употребление марихуаны могло создать почву для более яркого проявления шизофрении, но не было основной причиной. Это как обвинять мяч для гольфа в травме моего брата.

– Это мы что-то такое сделали? – спросила миссис Нельсон. – Или, наоборот, что-то не сделали?

– Нет. Вы не виноваты. У него психическое заболевание. Он просто заболел, как если бы заболел чем-то другим. Сейчас существует множество теорий, почему люди заболевают

шизофренией, но никто не знает наверняка. Вы же не стали бы винить себя, если бы у него развился диабет, правда?

Они покачали головами.

– Ему станет лучше?

– Да. Я оптимистично настроен. Уверен, что он хорошо восстановится, но это долгий процесс. Помогут лекарства и работа с психологом. А когда ему станет лучше, ему понадобятся лекарства, которые надо будет принимать довольно долгое время.

– Значит, он не вылечится полностью?

– Нет. Но ведь врачи на самом деле никого не исцеляют. Мы всего лишь лечим болезнь, будь то ревматоидный артрит, или высокое артериальное давление, или астма, но мы не избавляем от нее – пациент может нуждаться в лекарствах всю оставшуюся жизнь. Психиатрические болезни ничем не отличаются от физических. Кстати, как поживает его сестра?

Я посмотрел на того мужчину, что прошел мимо нас с подставкой для капельниц, и заметил, что у него запавшие глаза и выступающие скулы. У него была кахексия⁸ – болезнь съела его изнутри.

– С ней все в порядке, спасибо. Мы уделяем ей много времени и поддерживаем. Она и правда, как вы и говорили, стала спрашивать, не виновата ли она в болезни брата. Она очень скучает по нему. Спасибо вам, доктор, что все нам сказали. Мы догадывались, что услышим что-то такое...

⁸ *Кахексия* – снижение массы жировой ткани и скелетной мускулатуры.

Я кивнул.

– Люди часто знают заранее.

Родители Сэма ушли, а я остался – сидел и прислушивался к звукам больницы. Студенты-медики рассказывали друг другу о дне в отделении, в небе низко гудел самолет, направляющийся в Хитроу... Я смотрел на птиц, которые копошились в деревьях прямо надо мной, и вспоминал бесконечные летние вечера детства.

– Я слышал, что вы им сказали, – раздался голос человека с острыми скулами, его подставка для капельниц приближалась ко мне.

– Да, это тяжелая новость для родителей.

– У моего сына была шизофрения. – Человек вытащил еще одну сигарету и предложил мне.

– Я бросил.

– А мне бросать уже поздно.

Я посмотрел на его шрам от торакотомии⁹.

– Рак?

Он кивнул.

– Я сам виноват. Курил с тех пор, как был еще мальчишкой. Стоило прислушаться к врачам.

Мы погрузились в уютную тишину летнего вечера.

– То, что вы сказали там... – с трудом произнес он наконец. – Вы были неправы.

⁹ *Торакотомия* – это операция, в ходе которой грудная клетка вскрывается с целью обследования или проведения хирургического вмешательства.

Я поднял глаза и увидел огонек в его глазах.

– Вы сказали, что люди всегда знают, что скажут им врачи.

Нет. Мне никто не рассказал о моем сыне и его болезни. И я винил себя и винил его.

– Ему стало лучше? – спросил я.

– На некоторое время, – устало сказал мужчина. – Но потом он, казалось, просто сдался. Он лежал в больнице и периодически выписывался в течение долгих лет. – Мужчина потер лицо. – Да уж, – сказал он, бросая сигарету и раздавливая окурок тапком. – Вы должны давать людям надежду. Что такое жизнь без надежды?

Он ушел довольно скоро – за ним пришла медсестра из отделения и отругала: «Вы же знаете, что я говорила о курении». И я остался наедине с нежными звуками вечера.

* * *

Я беру со стола справку о выписке Сэма и кладу ее в коробку «на хранение». Он хороший пример для обсуждения со студентами и ординаторами. В любом случае я гордился Сэмом. Он пробыл в больнице около четырех месяцев. Его симптомы удалось купировать с помощью лекарств, и он хорошо взаимодействовал с психологами. Мы оставили его на попечение местной психиатрической бригады.

Пару лет спустя я узнал, что он сдал экзамены на бухгалтера. Ему не предъявили никаких обвинений, он не совер-

шил никакого преступления. Я составил полный отчет для его адвокатов, и в суде решили, что судебное преследование этого человека не отвечает общественным интересам. Никаких дальнейших действий не последует, сказали они. К счастью, пострадавший тоже согласился. Какой толк его наказывать, чем бы это помогло?

Он был болен, он был не в себе, но он не был плохим.

Утешительные конфеты

Я люблю бывать в домах других людей. Всегда любил. Мне нравится смотреть, как люди живут, какой мебелью себя окружают и вообще какое гнездо вьют.

Будучи психиатром, я побывал в домах сотен своих пациентов, и это лучше, чем быть агентом по недвижимости.

Я был подростком, когда наша семейная фирма, наш чугунолитейный завод, разорилась. Разумеется, мои родители были этим жутко огорчены. Они старались, держались вместе, но все же выставили наш дом на продажу. До окончания школы мне оставалось еще четыре года, и нужно было платить за обучение, хотя в то время я этого не понимал. Нужно было сократить расходы и переехать в дом поменьше. Наш дом не назовешь дворцом, у нас было всего три спальни. И честно говоря, мои родители не умели создавать уют. Не поймите меня неверно. Они очень старались, но у них не получалось.

Правда, мой отец установил новую кухню, просто прекрасную. Но тоже как-то неаккуратно: в некоторых местах все было отлично подогнано, но в других между блоками были промежутки и таинственные щели, которые со временем заполнились кухонным жиром, собачьей шерстью (у нас был золотистый лабрадор по кличке Буффало) и кучей оберток от конфет, которые мы съедали каждое Рождество. Стол был

похож на нечто, что породил чей-то нездоровый разум.

Мне было четырнадцать, у меня было обсессивно-компульсивное и тревожное расстройство. Мать страдала депрессией, отец остался без работы, а мой брат в это самое время, поступая в университет, проваливал экзамены. Можно сказать, что мы потеряли практически все, и это не будет преувеличением. Так что неудивительно, что наш дом не попал в журнал Homes & Gardens.

Я помню, что как-то заметил выпуклость на потолке над лестничной площадкой. Рельефные обои, которые покрывали все внутренние стены и потолки, начали провисать. Поначалу это было почти незаметно, но потом стало бросаться в глаза. Я целый месяц каждую неделю твердил об этом папе, но он просто игнорировал меня. Знаете, как люди игнорируют подозрительную шишку на теле, пока не становится слишком поздно, – но ведь она ничем особо не беспокоила...

В конце концов мне надоело, и я решил разобраться с этим сам – так, как будто это опухоль, а я начинающий врач, – я осмотрел это новообразование.

К тому моменту «опухоль» достигла полуметра в поперечнике. Я притащил из гаража стремянку, осторожно постучал по упругой плоти вздувшегося потолка и в ответ почувствовал легкую рябь. Именно так я представлял себе женскую грудь, если я когда-нибудь прикоснусь к ней. А в возрасте четырнадцати лет я часто об этом мечтал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.